

Литературная хроника: к проблеме институционального описания деятельности литературной организации¹

Исследованы границы термина «литературная хроника». Научное сообщество начинает более детально интересоваться таким понятием, как литературная институция. На протяжении XX в. литературоведение изучало и описывало лишь отдельные периоды в истории литературы. Эта разработка отдельных периодов столетия помогла создать необходимый теоретический инструментарий для аналитической работы по изучению социально-культурного процесса в обществе. Длительное время сама попытка осознать литературный процесс как явление наталкивалась на терминологическую размытость. Накопленные историческим литературоведением знания позволяют поднять как проблему научно исследования хроникальное описание жизни литературной организации, под которой понимается структурное объединение творческих людей (на примере отдельных фактов бытования Всероссийской ассоциации пролетарских писателей). Именно социально-институциональное описание жизни литературного сообщества России 1920-х гг. позволяет прочувствовать коммуникативное пространство страны, в которой происходят культурные процессы. Другим важным аспектом при изучении хроники литературной институции является ее бытование в повседневности, т.е. частотность встреч членов структурного объединения. В этом случае разрозненные факты повседневного бытования становятся историческим потоком событий.

Ключевые слова: литературная хроника, литературный процесс, литературная институция, литературная организация, Всероссийская ассоциация пролетарских писателей, литературный быт, повседневность, «каркас» истории.

The article explores the boundaries of the term "literary chronicle". The scientific community is beginning to take a more detailed interest in such a concept as a literary institution. Throughout the twentieth century, literary studies studied and described only individual periods in the history of literature. This development of individual periods of the century helped to create the necessary theoretical tools for analytical work on the study of the socio-cultural process in society. For many years, the very attempt to understand the literary process as a phenomenon encountered terminological blurring. The accumulated knowledge of historical literary studies allows us to raise as a problem of scientific research a chronicle description of the life of a literary organization, which is understood as a structural association of creative people (on the example of individual facts of the existence of All-Russian Association of Proletarian Writers). It is the socio-institutional description of the life of the literary community of Russia in the 1920s that allows us to feel the communicative space of the country in which cultural processes take place. Another important aspect in the study of the chronicle of a literary institution is its existence in everyday life, that is, its existence in everyday life. With the frequency of meetings of members of the structural association. In this case, the scattered facts of everyday life become a historical stream of events.

Keywords: literary chronicle, literary process, literary institution, literary organization, All-Russian Association of Proletarian Writers, literary life, everyday life, "framework" of history.

Период создания и деятельности первых советских литературных организаций до создания Единого Союза писателей СССР является одним из самых интересных периодов в истории мирового литературного процесса XX столетия. Стоит согласиться с выводами авторов историко-литературной хроники, посвященной этому периоду:

В отечественной науке в силу известных причин этот период долгие десятилетия был больше полем для идеологической конъюнктуры, чем предметом научного анализа, а история изучения и описания этой эпохи ярко демонстрирует историческую относительность и текучесть научных критериев [1. С. 3].

Действительно, наступил такой момент в истории современного литературоведения, когда научное сообщество заинтересовалось итогами литературного процесса как самостоятельного явления социокультурной жизни России. В период 1920-е и первая четверть 1930-х гг. закладывались основы всей последующей государственной системы, которая будет регулировать все структуры, в том числе и литературные организации.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект № 20-18-003940).

На протяжении всего XX в., по мнению социологов Л. Гудкова и Б. Дубина, литература «как высокозначимая в определенных группах общества возможность представления в условной форме социальных отношений притягивает или стягивает самые разные социальные структуры — от экономики или власти до способности воображения, необходимого для понимания действий другого в ситуациях высокой неопределенности и непредсказуемости или иррациональности исторического процесса» [2. С. 19]. Несмотря на это, литературоведение в XX в. изучало и описывало лишь отдельные периоды в истории литературы. Тем самым нарабатывался опыт в описании процессов, происходящих в литературе в целом. Разработка отдельных литературных периодов была важна и потому, что она помогала создавать необходимый теоретический инструментарий для аналитической работы по изучению социально-культурного процесса в обществе.

Не случайно в отечественном литературоведении попытка осознать литературный процесс как явление наталкивалась на определенную терминологическую размытость: летопись, хроника, анналы, панорама и т.д.²

Даже по прошествии многих лет в советском литературоведении проблемы изучения литературного процесса не могли быть разрешены, т.к. советская литература не исчерпывается русской:

Она есть эстетический феномен, создаваемый более чем на семидесяти национальных языках. И многие тенденции современного литературного процесса определяются именно этой предпосылкой, поскольку своеобразие той или иной национальной литературы позволяет выдвигать им художественные идеи, имеющие общезначимый интерес и характер. Но и последние... могут быть осознаны, по крайней мере, на трех уровнях — в масштабе мирового литературного процесса, в границах общесоветского художественного единства и, наконец, в пределах собственных, национально и исторически обусловленных закономерностей. Именно размах и многообразие самой литературы «настоячиво вызывают к целостному взгляду, обобщению, панорамированию» [3. С. 182–183].

Научная значимость хроники, которая в большей степени по сравнению с другими исследовательскими жанрами представляет этот целостный взгляд, подтверждаемый документально, не нуждается в дополнительных объяснениях. Наоборот, она становится дополнительным подтверждением объективного восприятия происходящих исторических процессов. Например, в иллюстрированной летописи «Москва сталинская» автор так формулировал задачу, стоящую перед ним:

В книге день за днем прослеживается хроника городских происшествий, приведены разные точки зрения на одни и те же события... <...> ...Книга наглядно показывает, что жизнь в эти годы была многогранной и непредсказуемой: героичной и трусливой, веселой и мрачной, счастливой и трагичной. Город, оказывается, жил гораздо более сложной, достопримечательной, насыщенной жизнью, чем об этом пишут в учебниках по русской истории [4. С. 4].

Первыми хрониками советских литературных организаций по праву следует считать художественно-литературные альбомы, уходящие своими корнями в культуру прошлого (см.: [5]). В первую очередь речь идет об альбомах К.И. Чуковского, В.А. Левинсона и др., охватывающих большие временные периоды. Так, первая запись во всемирно известной «Чукоккале» была сделана И.Е. Репиным 20 июля 1914 г., а последняя — Ст. Рассадным 13 ноября 1967 г. В одном из отзывов на изданный альбом есть точная характеристика этого альманаха: «“Чукоккала” — книга совершенно единственная в своем роде, во всяком случае у нас. Не говорю уже о значении самого альбома Корнея Ивановича — зеркала целой эпохи культурной жизни страны, причем не официальной, формальной, а глубоко интимной...» [6. С. 364].

К этой же категории следует отнести альбомы, которые можно считать узкими по своей направленности: они или охватывают короткий временной период, или связаны с определенной

² При характеристике этих понятий обращает на себя внимание прежде всего жанровая принадлежность: жанр погодных записей исторических событий (см. «Повесть временных лет»), жанр документальных записей в последовательном порядке событий, представляющих определенную ценность (например, см. «Исторические хроники» В. Шекспира), жанр погодных записей событий, связанных с жизнью страны или города (например, см. «Анналы» Тацита), и др.

деятельностью. Таков альбом с автографами сотрудников издательства «Всемирная литература», принадлежавший секретарю издательства В.А. Сутугиной:

В инскриптах А.А. Ахматовой, В.М. Алексеева, А.А. Блока, Н.С. Гумилева, М. Горького, Е.И. Замятина, В.А. Зоргенфрея, Г.В. Иванова, И.Ю. Крачковского, Н.А. Оцула, Вс.А. Рождественского, Ф. Сологуба запечатлены многие подлинные сюжеты и факты, обозначены ежедневные ситуации и, как следствие, характеристики сотрудников и их взаимоотношения, в общем контексте альбомных записей воссоздаются реалии двух контрастных миров, в которых существовала «Всемирная литература», — мира творческой увлеченности, искренней дружбы и взаимоподдержки, царившей в издательстве, и конкретной бытовой среды Петрограда времен военного коммунизма [7. С. 341].

Одной из первых попыток создать единое пространство бытования литературы, литературоведения и литературных организаций стоит считать «Хронику литературной жизни» для научного издания «История русской советской литературы» [8]. При подготовке второго издания [9] хроника была дополнена и расширена, и тем не менее цель этой хроники состояла в том, чтобы дополнить те факты, которые стали материалом в главах научного издания³. Оценивая эту попытку представить события литературной жизни в хронологическом порядке, стоит признать, что в большей степени это все-таки канва событий с октября 1917-го по март 1966 г., ориентированная на выход книг, журналов, а также на международные связи советской литературы.

Опыт «Летописи литературных событий в России конца XX — начала XX века (1891 — октябрь 1917)» заставил задуматься о вовлечении в канву литературной хроники более широкого материала:

Первый опыт создания литературных событий... показал возможности этого нового жанра, использующего приемы монтажа, отличного от обычных хроник, библиографий, персональных «летописей жизни и творчества». Панорама литературного движения развертывается на материалах, извлеченных из периодики, книжных изданий, и на документах эпохи (письма, дневники и т.п.)... <...> ...Издание... основано на более углубленной проработке и новом осмыслении событий, значительном увеличении круга источников, совершенствовании способов подачи фактического и документального материала [11. С. 3–4].

Авторы-составители, отталкиваясь от предыдущего опыта, констатировали, что историко-литературный кругозор эпохи был расширен «за счет новых пластов сведений, ранее подлежавших изъятию или оценочному толкованию по тем или иным мотивам», а культурный контекст эпохи — «за счет философско-религиозной проблематики, историко-литературных трудов о русской классике, новейшей западной литературы, оказавшей влияние на русскую культуру, художественных выставок и театральных событий» [Там же. С. 4].

Однако советская литература, осваивая опыт и традиции русской классической литературы, во многом создавала иное пространство бытования (что влекло за собой и построение иной хроники), в котором линейные события (например, «автор — художественное произведение — читатель» или «писатель — творческое мероприятие — участник») не отражали всей системы. В отрыве от проблем государственного господства, социальной мифологии, социальной стратификации, институциональной организации общества, трансформации социальных структур хроника была и будет лишь схематичным планом для будущих исследований.

В не пределов внимания литературных хроник до поры до времени оставались подробные сведения о литературных организациях. Под организацией в данном случае следует понимать объединение творческих людей, созданное как структурное образование, в результате которого

³ Аналогичное можно сказать и о попытках авторского коллектива «Истории всемирной литературы», предложившего читателям синхронистические таблицы, целью которых было «помочь соотнести историко-литературные и исторические факты, анализируемые в разных отделах и главах тома» [10. Т. 8. С. 791]; также эти таблицы включали в себя «помимо литературных фактов... важнейшие исторические и культурные события, о которых необязательно говорится достаточно подробно в тексте» [Там же]. Однако члены авторского коллектива были вынуждены признать: «Кардинальные перемены в общественном сознании сказались на восприятии литературы XX века. В последние годы происходит коренная переоценка многих ее явлений. Но этот процесс еще далек от завершения. А для «Истории всемирной литературы» нужны итоговые обобщения, к которым наша научная мысль пока не готова» [Там же. С. 5].

проявляется особый вид деятельности людей. Таким образом, организация — это сложный организм, в котором переплетаются личностные и групповые интересы, взаимодействуют абсолютная дисциплина и свободное творчество, имеют место нормативные требования и неформальные инициативы. Эта структура (т.е. организация) сознательно координирует политику действий и мероприятия для достижения общих целей.

В 2005 г. в ИМЛИ РАН были изданы первые два тома задуманного шеститомного издания «Литературная жизнь России 1920-х гг. События. Отзывы современников. Библиография». Главной задачей издания «было динамическое социально-институциональное описание жизни русскоязычного литературного сообщества России 1920-х гг.». Один из рецензентов этой книги так охарактеризовал издание: «Это фундамент знания, без которого попытка осмысления эпохи несостоятельна» [12].

Понятие «литературная жизнь», вынесенное в заголовок книги, было близко к введенному Б.М. Эйхенбаумом термину «литературный быт»⁴ (в смысле социально-институциональный контекст литературного творчества: «Литературный быт... определяется как коммуникативное пространство, где происходят конкретные художественно-эстетические процессы высказывания и восприятия» [14. С. 94]). Материалами этой хроники был задан вектор изложения хроники: институциональное описание деятельности литературных организаций, объединяющих в своих рядах писателей.

Создание хроники начинается всегда с события, которое является истоком всех последующих. Для истории советского государства, и в частности для советской культуры и искусства, это Великая Октябрьская социалистическая революция [4. С. 8]. Для хроники советской литературы главными будут два события: революция и один из первых ее декретов — «О печати» (1917).

Соответственно, если темой хроники является деятельность литературной организации, тогда, несомненно, истоком должна быть дата ее оформления как свершившегося факта в бытовании литературной эпохи. Принципиальной особенностью литературного процесса 1920-х гг. считается наличие пролетарских писательских союзов (таких как Пролеткульт, МАПП, ВАПП, РАПП и др.), чья повседневная профессиональная деятельность запечатлелась в стенограммах заседаний руководящих органов, конференций, пленумов, протоколах собраний, материалах дискуссий.

Рассмотрим более подробно, что можно считать началом для такой литературной организации, как Всероссийская ассоциация пролетарских писателей (ВАПП). Хроника этой литературной организации должна начинать свой отсчет с 25 июня 1921 г., т.е. с момента утверждения Положения о Всероссийской ассоциации пролетарских писателей ЛИТО Наркомпроса РСФСР. Однако в протоколе заседания ВАПП от 23 июня 1921 г. зафиксировано: «Слушали... <...> 2. Всероссийской ассоциации пролетарских писателей и утверждению проекта положения Всероссийской ассоциации Литературным отделом Народного Комиссариата Просвещения... <...> 2. Проект положения ассоциации, подписанный т.т. Серафимовичем и Фалеевым, утвердить» [15].

В заметке журнала «Кузница» 1921 г. временные рамки заметно расширяются:

Работающая более полугодом незаметно, но интенсивно организация пролетарских писателей, намеченная на I Всер. съезде писателей, получила за последние дни окончательное, утвержденное Наркомпросом, оформление как Всероссийская ассоциация пролетарских писателей. В задачи Ассоциации вошли основные положения, утвержденные Съездом пролетарских писателей в октябре прошлого года⁵: развитие и пропаганда пролетарского творчества путем издания журналов, книг, устройства диспутов, лекций и пр., предоставление возможностей для творческой работы пролетарскому писателю и улучшение его материальных условий [17. С. 35].

⁴ Стоит обратить внимание на трактовку понятия «факт»; у Б.М. Эйхенбаума есть замечательное наблюдение: «Литературный факт и литературная эпоха — понятия сложные и изменчивые, поскольку изменчивы соотношения элементов, из которых строится литература, и их функций. Сегодня — это кружок дилетантов, собирающихся для чтения своих стихов или вписывающих их в альбомы “прекрасных соотечественниц”, завтра — это толстый «литературно-общественный журнал», с редакцией и бухгалтерией; сегодня — это высокое “служенье муз”, строго охраняемое от уличного шума, завтра — это мелкая пресса, злостный фельетон, очерк» [13. С. 58].

⁵ Речь в данном случае идет о проходившем с 18 по 21 октября в Москве (в помещении Дома печати) I Всероссийском съезде пролетарских писателей [16. С. 34].

Этот пример наглядно показывает: в истории институции одной из главных проблем является именно выявление того самого истока, дающего импульс последующим событиям. У каждой литературной организации есть своя предыстория, не менее насыщенная по сравнению с историей самой организации. Этот же пример помогает осознать еще одну деталь, важную при изучении истории литературных организаций: это временные рамки в хронологическом исследовании.

И потому стоит внести некоторые уточнения в предложенную терминологию. В свое время Б. Эйхенбаум различал две формы институционализации: литературный кружок/салон и литературный журнал (издательство). Обращение к архивным документам литературных организаций, среди которых выделим стенограммы профессиональной деятельности и протоколы заседаний секретариатов организаций (как документы, фиксирующие ход заседаний, проходящих более или менее часто), позволяет не только сделать их самостоятельным предметом системного изучения, но и выявить механизм движущих сил, в котором формировалась/институционализировалась литературная практика, определяющая поведение писателя как члена сообщества⁶.

Механизм бытования литературной организации напрямую связан с частотой встреч членов сообщества. И потому вторым важным компонентом институции, помимо организационного начала, становится частотная периодичность встреч членов сообщества. Однако повторяющиеся в жизни сообщества процессы и/или события, выявляя определенные закономерности, влекут за собой осмысление понятия «повседневность» для бытования литературного сообщества. Будет уместно процитировать мнение Ю.М. Лотмана: «Быт — это обычное протекание жизни в ее реально-практических формах; быт — это вещи, которые окружают нас, наши привычки и каждодневное поведение. Быт окружает нас, как воздух, и, как воздух, он замечен нам только тогда, когда его не хватает или он портится. Мы замечаем особенности чужого быта, но свой быт для нас неуловим — мы склонны его считать “просто жизнью”, естественной нормой практического бытия» [19. С. 10]. Таким образом, путь познания истории литературной организации (как и литературного процесса в целом) через повседневный быт позволит исследователям понять и историю институции, и историю идей, ею поддержанных.

При составлении хроники надо учитывать те виды событий/фактов, которые обязательно должны быть включены в историю литературной организации. Позволим себе перечислить лишь некоторые: во-первых, политические события; во-вторых, номенклатурные документы правительства; в-третьих, бытовая жизнь самой литературной организации, под которой подразумевается не только та продукция, которую выпускают члены этого сообщества (т.е. книги, журналы, альманахи и др.), но и общественная деятельность (участие в литературных собраниях, дискуссиях, вечерах, литературных или юбилейных торжествах, в мероприятиях культурной и научной жизни, литературных конкурсах и др.). И последнее: в хронике должны быть зафиксированы факты взаимодействия правительственных учреждений с представителями литературной организации.

Все эти, как может показаться, разрозненные и отчасти мелкие факты по отдельности не могут показать единого потока истории литературной организации, но в своей совокупности помогут воссоздать «конечно, не полностью, но довольно ощутимо... ткань эпохи, исторического времени, реального потока событий». И тогда привычные факты неожиданно предстанут «в новом свете» [20].

⁶ Именно поэтому задуманный проект «“Стенограмма”: Политика и литература. Цифровой архив литературных организаций 1920–1930-х гг.» (ИМЛИ РАН) отвечает актуальной научной потребности в объективной оценке историко-литературного процесса советского времени и удовлетворяет устойчивый научный интерес отечественных и зарубежных исследователей к конкретике литературной жизни первых советских десятилетий, к социальным и политическим аспектам литературного процесса советского периода и потребность в объективных их оценках, отсутствие которых связано с недостатком информации [18].

Институциональный аспект изучения советской литературы, несомненно, сближает литературоведение с протосоциологией⁷. Этот аспект позволяет подтвердить уже сказанное: «Любая “хроника” или “летопись” — это не история, а только ее каркас» [22. С. 359]. По сути, это всего лишь «железная сетка», в которую «придет бетон — и будет здание» [23. С. 12]. В этом «каркасе» хроники литературной организации «бетоном» должны стать факты, выявленные в документах профессиональной деятельности. И тогда хроника будет наполняться новым содержанием, позволяющим выявить архивные, антропологические, лингвистические, культурологические повороты в истории как отдельно взятой организации, так и литературы в целом.

Литература

1. Литературная жизнь России 1920-х годов: события, отзывы современников, библиография. Т. 1, ч. 1: Москва и Петроград. 1917–1920 гг. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 770 с.
2. Гудков Л., Дубин Б. Литература как социальный институт: сб. работ. 2-е изд., доп. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 792 с.
3. Арутюнов Л. Методология изучения литературного процесса // Вопросы литературы. 1984. № 7. С. 182–188. Рец. на кн.: Литературный процесс 60–70-х годов: динамика развития и проблемы изучения современной советской литературы / В.Е. Ковский.
4. Москва сталинская: большая иллюстрированная летопись / сост. М. Вострышев. М.: Алгоритм, 2008. 576 с.
5. Балагула С. «Щастие минувших дней»: обзор рукописных альбомов из собрания Всероссийского музея А.С. Пушкина // Всероссийский музей А.С. Пушкина. URL: <https://museumpushkin.bm.digital/article/680503148760031510/schastie-minuvshih-dnej-obzor-rukopisnyih-albomov-iz-sobraniya-vserossijskogo-muzeya-a-s-pushkina> (26.04.2021).
6. Чукоккала: рукописный альманах К.И. Чуковского / предисл. и пояснения К. Чуковского; подгот. текста и примеч. Е. Чуковской. М.: Премьера, 1999. 400 с.
7. Кукушкина Т.А. Из литературного быта Петрограда начала 1920-х годов: альбомы В.А. Сутугиной и Р.В. Руры // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 341–402.
8. Хроника литературной жизни // История русской советской литературы: в 3 т. / Институт мировой литературы им. А.М. Горького; отв. ред. А.Г. Дементьев. М.: Наука, 1958. Т. 1: 1917–1929; 1960. Т. 2: 1929–1941; 1961. Т. 3: 1941–1957.
9. Хроника литературной жизни // История русской советской литературы. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1967. Т. 1–4.
10. История всемирной литературы: в 9 т. / гл. ред. Г.П. Бердников. М.: Наука, 1983–1984. Т. 1–8.
11. Летопись литературных событий в России конца XIX — начала XX вв. (1891 — октябрь 1917) / под общ. ред. чл.-корр. А.В. Лаврова. М.: ИМЛИ РАН, 2002. Вып. 1: 1891–1900. 524 с.
12. Дьякова Е. Гражданская война с гражданским обществом: как она велась, показала летопись «Литературная жизнь России 1920-х годов» // Контент-платформа Pandia.ru. URL: <https://pandia.ru/text/78/311/31675.php> (12.04.2021).

References

1. Literaturnaja zhizn' Rossii 1920-kh godov: sobytia, otzyvy sovremennikov, bibliografija. T. 1, ch. 1: Moskv a i Petrograd. 1917–1920 gg. Moscow: IMLI RAN, 2005. 770 s.
2. Gudkov L., Dubin B. Literatura kak sotsial'nyi institut: sb. Rabot / 2-e izd., dop. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. 792 s.
3. Arutiunov L. Metodologija izucheniia literaturnogo protsessa // Voprosy literatury. 1984. No. 7. S. 182–188. Ret s. na kn.: Literaturnyi protsess 60–70-kh godov: dinamika razvitiia i problemy izucheniia sovremennoi sovetskoi literatury / V.E. Kovsky.
4. Moskva stalinskaia: bol'shaia illiustrirovannaia letopis' / sost. M. Vostryshv. Moscow: Algoritm, 2008. 576 s.
5. Balagula S. "Schastie minuvshikh dnei": obzor rukopisnykh al'bomov iz sobraniia Vserossiiskogo muzeia A.S. Pushkina // Vserossiiskii muzei A.S. Pushkina. URL: <https://museumpushkin.bm.digital/article/680503148760031510/schastie-minuvshih-dnej-obzor-rukopisnyih-albomov-iz-sobraniya-vserossijskogo-muzeya-a-s-pushkina> (26.04.2021).
6. Chukokkala: rukopisnyi al'manakh K.I. Chukovskogo / predisl. i poiasneniia K. Chukovskogo; podgot. teksta i primech. E. Chukovskoi. Moscow: Prem'era, 1999. 400 s.
7. Kukushkina T.A. Iz literaturnogo byta Petrograda nachala 1920-kh godov: al'bomy V.A. Sutuginoi i R.V. Rury // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1997 god. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2002. S. 341–402.
8. Khronika literaturnoi zhizni // Istoriia russkoi sovetskoi literatury: v 3 t. / Institut mirovoi literatury im. A.M. Gorkogo; otv. red. A.G. Dement'ev. Moscow: Nauka, 1958. T. 1: 1917–1929; 1960. T. 2: 1929–1941; 1961. T. 3: 1941–1957.
9. Khronika literaturnoi zhizni // Istoriia russkoi sovetskoi literatury. 2-e izd., ispr. i dop. Moscow: Nauka, 1967. T. 1–4.
10. Istoriia vseмирnoi literatury: v 9 t. / gl. red. G.P. Berdnikov. Moscow: Nauka, 1983–1984. T. 1–8.
11. Letopis' literaturnykh sobytii v Rossii kontsa XIX — nachala XX vv. (1891 — oktiabr' 1917) / pod obshch. red. chlen.-korr. A.V. Lavrova. Moscow: IMLI RAN, 2002. Vyp. 1: 1891–1900. 524 s.
12. Dyakova E. Grazhdanskaia voina s grazhdanskim obshchestvom: kak ona velas', pokazala letopis' "Literaturnaja zhizn' Rossii 1920-kh godov" // Kontent-platforma Pandia.ru. URL: <https://pandia.ru/text/78/311/31675.php> (12.04.2021).
13. Eikhenbaum B.M. Moi vremennik. Leningrad: Izdatel'stvo pisatelei, 1929. 192 s.

⁷ По словам Я.С. Левченко, «в трактовке Эйхенбаума литературный быт — междисциплинарное понятие; он проявляется только в контакте литературы с внеположенными ей контекстами и в этом смысле перекликается с рядом концепций, во второй половине XX века изменивших интерфейс гуманитарного знания» [21. С. 179–180].

13. *Эйхенбаум Б.М.* Мой современник. Л.: Издательство писателей, 1929. 192 с.
 14. *Hansen-Löve A.* «Бытология» между фактами и функциями // *Revue des etudes slaves*. 1985. Vol. 57. P. 91–103.
 15. РГАЛИ. Ф. 1638. Оп. 1. Ед. 9.
 16. Первый Всероссийский съезд пролетарских писателей // *Кузница*. 1921. № 7. С. 32–36.
 17. Всероссийская ассоциация пролетарских писателей // *Кузница*. 1921. № 8. С. 35–36.
 18. «Стенограмма»: Политика и литература. Цифровой архив литературных организаций 1920–1930-х гг. URL: <http://stenogramma.imli.ru/> (12.04.2021).
 19. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство-СПБ, 1994. 481 с.
 20. *Гуськов Н.А., Егорова К.Б.* Материалы для составления хроники культурной жизни Ленинграда на рубеже 1920-х и 1930-х гг. // *Институты культуры Ленинграда на переломе от 1920-х к 1930-м годам: материалы проекта*. URL: <http://old.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10460> (12.04.2021).
 21. *Левченко Я.С.* Другая наука: русские формалисты в поисках биографии. М.: Изд. дом Выс. шк. экономики, 2012. 298 с.
 22. *Динерштейн Е.* Каркас истории // *Новое литературное обозрение*. 2006. № 4. С. 358–363. Рец. на кн.: *Литературная жизнь России 1920-х годов: события, отзывы современников, библиография*. Т. 1.
 23. *Катанян В.А.* Маяковский: хроника жизни и деятельности. 5-е изд. М., 1985. 647 с.

14. *Hansen-Löve A.* “Bytologia” mezhdu faktami i funktsiiami // *Revue des etudes slaves*. 1985. Vol. 57. P. 91–103.
 15. РГАЛИ. Ф. 1638. Оп. 1. Ед. 9.
 16. *Pervyi Vserossiiskii s’ezd proletarskikh pisatelei // Kuznitsa*. 1921. No. 7. S. 32–36.
 17. *Vserossiiskaia assotsiatsiia proletarskikh pisatelei // Kuznitsa*. 1921. No. 8. S. 35–36.
 18. “Стенограмма”: Политика и литература. Tsifrovoy arkhiv literaturnykh organizatsii 1920–1930-kh gg. URL: <http://stenogramma.imli.ru/> (12.04.2021).
 19. *Lotman Yu.M.* Besedy o russkoi kul'ture: byt i traditsii russkogo dvorianstva (XVIII – nachalo XIX veka). St. Petersburg: Iskusstvo-SPB, 1994. 481 s.
 20. *Guskov N.A., Egorova K.B.* Materialy dlia sostavleniia khroniki kul'turnoi zhizni Leningrada na rubezhe 1920-kh i 1930-kh gg. // *Instityuty kul'tury Leningrada na perelome ot 1920-kh k 1930-m godam: materialy proekta*. URL: <http://old.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10460> (12.04.2021).
 21. *Levchenko Ya.S.* Drugaia nauka: russkie formalisty v poiskakh bio-grafii. Moscow: Izd. dom Vys. shk. ekonomiki, 2012. 298 s.
 22. *Dinershtein E.* Karkas istorii // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2006. No. 4. S. 358–363. Rets. na kn.: *Literaturnaia zhizn' Rossii 1920-kh godov: sobytiia, otzyvy sovremennikov, bibliografiia*. T. 1.
 23. *Katanyan V.A.* Mayakovskiy: khronika zhizni i deiatel'nosti. 5-e izd. Moscow, 1985. 647 s.

Быстрова Ольга Васильевна,
 кандидат филологических наук,
 старший научный сотрудник
 Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН

Bystrova Olga V.,
 Candidate of Philology, Senior Researcher
 Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
 e-mail: bystrova63@mail.ru

